УДК 009

СПЕЦИФИКА ПРЕДМЕТНОСТИ В ГУМАНИТАРНОМ ПОЗНАНИИ

Павлов Александр Валентинович,
Тюменский государственный университет,
Институт филологии и журналистики,
кафедра философии,
доктор философских наук, профессор,
г. Тюмень, Россия.
E-mail: av-pavlov@mail.ru

Аннотация
Проблематика статьи заключается в определении специфических черт предмета гуманитарной науки. Показывается способность гуманитарной науки к теоретическим обобщениям и практическим изобретениям. Рассматривается отличие гуманитарной науки от гуманитарного познания.

Ключевые понятия:
гуманитарная наука,
гуманитарный подход,
предмет исследований,
субъект познания.

Есть науки естественные, неестественные и противоестественные…

(Кто-то из физиков)

1.

Еще не так давно наука считалась главным звеном в системе культуры, как естественная, так и гуманитарная. Ценность науки определяла и характер образования, оно тоже было научным. Сегодня многие отрасли науки в нашей стране, к сожалению, фактически развалены: разрушаются коммуникации, пропадает единство взгляда, дискредитируются и деградируют методологические знания. И это означает, что место науки в массовом сознании займут, и уже занимают, мифы, рядящееся под нее, а то и обходящиеся без всякого камуфляжа; эзотерика, оккультизм, неоязыческие культы, квазинаука и т.д.

В особенно бедственное положение попали гуманитарные науки, которые работают, исходя из представлений: если есть предмет, он должен быть изучен, иначе его незнание может когда-нибудь стать проблемой. Если культура существует, а она существует, то должны быть и специфические науки о ней – гуманитарные.

Такие науки не имеют коммерческой отдачи, более того, они затратны, требуют пусть небольшого, но все-таки финансирования от государства. Их продукцией является качество самого населения, которое все в целом невозможно продать без государственной самоликвидации. Они – культурообразующие, следовательно, народообразующие. А институтом, который обеспечивает в межцивилизационную эпоху пусть формальное, политическое, но единство страны, является именно государство, должно же оно быть заинтересовано в культурном самоопределении индивидов на его территории на основе его подлинной, а не мнимой истории, психологии, языка и т.д., и в наполнении формально-политического единства культурно-содержательным! Отсюда ученые-гуманитарии делают вывод, что в основе будущего национального единства должна быть гуманитарная наука, что должны быть поддержаны собственный язык, своя литература и искусство, своя философия, и с этим выводом невозможно спорить.

Должна быть историческая наука, потому что подтасовки истории искажают практику современности и превращают ее в очередное «псевдо». Должна быть политология, так как просчеты во внешней и

внутренней политике весьма болезненны, чреваты и войнами, и поражениями в них, санкциями и дестабилизацией и т.д. Должна быть психология. Ошибки и бессовестность в науке тем опаснее, чем ближе их предмет подходит непосредственно к человеку. Достаточно вспомнить сеансы Кашпировского и Чумака или «Белое братство» в последние советские годы и проследить их влияние на дальнейшие события. Должна быть филология: и лингвистика, и литературоведение, и не для того, чтобы, как в советские годы, обучать правильно писать стихи и романы, а для того, чтобы прививать интерес к чтению, литературный вкус и умение находить и формулировать смысл. Чтение и книга – инструменты развития абстрактного мышления, без которого невозможны теория и наука даже в физике. Уже сам факт, что в книге не воплощено ни капли смысла и выразительности, там только «черные крючки на белой бумаге», а умение видеть за крючками смысл, это и есть абстрактное от книги мышление, уже этот факт требует культивирования и ее, и связанных с нею наук.

Должны быть, но причем здесь английский язык, принудительно насаждаемый в российском университетском преподавании? Причем здесь приказная обязанность гуманитариев, занимающихся проблематикой России, публиковаться на английском языке в журналах Web of Science и Scopus, где их из-за языкового и финансового барьера не смогут прочитать русские читатели, а англоязычные не будут читать потому, что это не их проблематика? Ну разве что пресловутый «Госдеп» заинтересуется, для кого же все это должно писаться? Причем здесь насильственное уменьшение читаемых гуманитарных дисциплин, специальностей, наборов, пустые и путаные «компетенции», ликвидация или сокращение гуманитарных университетов, под предлогом их слияния с техническими, «укрупнение и разукрупнение» кафедр?

Именно гуманитарно-научное знание подменяется сегодня в массовом сознании суеминутной политической идеологией и «исследованиями Аркаима как колыбели русского народа», «разработкой «новой хронологии», «влиянием цивилизации с планеты Нибиру на древних шумеров», «инопланетным происхождением египетских пирамид», сочинениями типа «Тайной доктрины», «Розы мира», «Садов Мории» или «Суммы антропологии», конспирологическими «учениями» о тайном масонском правительстве, бильдельбергском клубе и т.д. Все подобного рода сочинения обладают рядом общих черт, отличающих именно квазинауку: у них нет поставленной проблематики, предметности, очень сомнительная методология, и поэтому они весьма конфликтны даже в отношении друг к другу.

Как в средние века наука пряталась в монастырях и немногочисленных университетах, так и сейчас она становится частным делом и начинает существовать в ожидании лучших времен либо до тех пор, пока будут люди, занимающиеся ею просто «из принципа».

Потому и проблема моей статьи почти безнадежна: *в чем же состоит предметность гуманитарной науки, и как ее отличить от идеологии и аркаимистики?*

2.

Любая наука уязвима, прежде всего, в своей предметной области: есть предмет – есть наука, нет предмета – и науки нет. Как хороший теннисист никогда не упускает из виду мячик, ученый никогда не упускает из поля зрения предмет исследования.

К науке можно подходить с разных сторон. Общество состоит из людей, а не люди из обществ, любая страна не может обойтись без своего населения, а вот население вполне способно покинуть страну и обойтись без нее. Если это учитывать, то онтологически наука, в первую очередь, это сообщество ученых и только потом их мотивация, научная культура и научная институция. Предметно существуют конкретные люди, а не наука вообще и не отрасли наук.

Отрасли наук могут выделяться лишь в абстракции, само понятие гуманитарного и естественнонаучного познания возможно только в философии и только для того, чтобы найти специфические черты научного труда, отличающие его от труда мастеров ногтевого сервиса и эффективных менеджеров, и вводить поправки в проблематику, предметность, методологию и результативность.

Значит, главный инструмент в любой науке, особенно в гуманитарной, – сам ученый. И, следовательно, управлять наукой, не управляя учеными, бесполезно, а управлять учеными, а не условиями их труда, значит, лишить их возможности заниматься наукой.

Различение гуманитарных и естественных наук является следствием окон-

чательно сложившегося к концу XIX века философского различения субъекта и объекта. А технические и социальные науки – только производные от уже окрепшего естествознания и нарождающейся гуманитаристики.

Субъект и объект тоже разделяются только в абстракции, да еще там, где объективная и бездуховная физическая «природа» противостоит познающему разуму. То есть, в последние полвека – мало где. Даже физика, на пределе теоретических обобщений отрываясь от непосредственного восприятия предмета и попадая в зависимость от теоретического метода, приобретает многие черты философии и гуманитарной науки.

В общественной жизни и в культуре вполне справедлива старая формула германской философии: нет субъекта без объекта, нет объекта без субъекта. И человек, и его культура онтологически в равной степени являются и субъектами, и объектами. Субъект и объект – всего лишь разные аспекты действительного бытия людей. Если смотреть на общественную жизнь под углом зрения объекта, получится естественнонаучный подход, а если под углом зрения субъекта, будет гуманитарный. Если рассматривать культуры «извне», со стороны их формы, получится формальный подход, а если «изнутри», со стороны содержания, будет содержательный. Поэтому науки о культуре тоже могут быть и объективными, и формальными, но в этом аспекте они уже не гуманитарные. Отсюда следует, что привычное у нас разделение гуманитарных и естественных наук, это миф, обусловленный тем, что науки о культуре могут изучаться объективно и формально, но могут субъективно и содержательно, и *правомернее говорить не о гуманитарных науках, а о гуманитарном подходе в науках о культуре*.

Если подходить к исследованию формально, то даже в гуманитарной науке появляется возможность частичного применения математики, по крайней мере, при определении проблемной ситуации, но пропорционально уменьшается теоретическая и практическая конструктивность. Если – содержательно, то появляется конструктивность, но исчезает математика, вместе с ее «точностью», так что в глазах физики, привыкшей к собственным критериям научности, гуманитарная наука выглядит явно как парадокс, что не мешает ей быть научной и делать, например, практичные и эффективные изобретения.

3.

Со времен неокантианцев, которые первые начали различать гуманитарную науку как отдельную область познания, утверждается мысль о том, что они должны не обобщать и формулировать законы, а констатировать единичные и произвольно возникающие факты. И поэтому складывается впечатление, что, в отличие от естественнонаучного познания, в гуманитаристике не может быть общих теорий, а значит, не может быть законов, прогнозов, измерений в какой-нибудь общепринятой системе, вроде СГС или СИ и массово применимых изобретений. А тогда и впрямь, какая же она наука!

Однако дело в том, что любая наука, хотя и сообщество ученых, но объединенных общей культурой исследований и институцией, воспитывающей их и зависящей от образования. А значит, предмет любой науки должен соответствовать следующим признакам: теоретичность, эмпиричность, объективность и устойчивость.

а) *Теория* – концентрированное выражение накопленного знания о предметной области, полученное на основе распространенной и типовой методологии и пригодное для трансляции в научном сообществе и для интерпретации новых фактов. Если есть теория, то нет необходимости передавать знания о каждом изученном предмете персонально, можно передать сообществу этот концентрат, чтобы любой, кому нужно, мог развернуть его применительно к своему предмету и посмотреть совпадения и различия. Без теоретической формы, наука становится похожей на хакерскую DDoS-атаку, обрушивающую любые серверы мириадами обращений.

в) *Эмпирия*, или лучше «опыт», чтобы меньше зависеть от естественнонаучных коннотаций, – необходимое условие для доказательства факта существования предмета исследований и введения его в научный оборот, для доказательства полученного знания и для субъективного понимания этого знания в контексте своего опыта.

с) *Объективность* – в естественных науках начинается с реального бытия предметной эмпирии вне и независимо от исследователя и с желания исследователя увидеть предмет таким, каким он существует «в природе», вне субъективного взгляда. В гуманитарных науках она превращается в непредвзятость, всесторонность представлений, вовлеченность личного

опыта в общественную жизнь, рефлексию опыта, нейтральность исследователя по отношения к предмету и результату, независимость результата от личных желаний, вкусов и пристрастий. А особенно в гуманитаристике это следствие умения дистанцироваться от субъективности, сохраняя индивидуальность позиции.

d) *Устойчивость* – доступность предмета иди опыта для каждого ученого соответствующего профиля, необходимое условие повторяемости исследования, его продолжения и проверки результатов. А для гуманитаристики устойчивость при индивидуальности позиций превращается в комплементарность позиций и допустимость правоты партнера.

Самый главный вопрос здесь вызывает эмпирия, опыт. В естественных науках она обусловлена природой предмета его данность в чувственном опыте, а значит, у них предмет априорно независим от взглядов, так как природа по определению противоположна субъективности.

При гуманитарном же подходе с самого начала, уже в опыте, содержится субъективность в виде знания, переживания, мировоззрения. И с точки зрения естественных наук, такая эмпирия неустойчива и заведомо ошибочна, т.к. зависит от взглядов и предпочтений. Отсюда и идеологическая уязвимость гуманитаристики, избавиться от которой можно только с помощью личной принципиальности. Но отсюда и ее высокая сравнительно с естествознанием креативность. Поэтому и вывод о фактической невозможности гуманитарных теорий, прогнозов и изобретений вполне правдоподобен, его готов сделать любой физик.

Следовательно, или гуманитарная наука и не наука вовсе (американцы нередко относят ее к «искусствам»), так как в ней невозможно построение теории, трансляция опыта, изобретения и прогнозы, или *надо решить проблему эмпирии и показать, что все-таки гуманитарная наука тоже может обобщать,* просто ее эмпирия отличается от естественнонаучной. И в ней тоже возможны и прогнозы, и изобретения.

4.

Эта проблема может быть решена анализом самой гуманитарной науки и различением в ней научности и гуманитарности, эта наука – синтез двух равноправных ипостасей.

Эмпирия в естественных науках видится так, будто она *содержит* информацию, извлекаемую из нее учеными. Я не буду чрезмерно удаляться от смысла и трактовать информацию чересчур широко, как некий фрагмент самой материальной природы. На мой взгляд, там – физические условия информации, а сама она, это – знание. На самом деле, если эмпирия внесубъектна, то нет источника передачи информации как таковой, а есть просто некая данность, которая может быть оценена как информация только субъективностью ученого. Его ум является «машиной», превращающей природную данность в информацию.

Но *в науках о культуре эмпирия двойственна.* С одной стороны, она *совокупность знаков и символов, выступающих только поводами для исследования.* Сами по себе они не содержат никакой гуманитарной информации и являются пустыми знаками, которые необходимо интерпретировать, чтобы эту информацию получить. А интерпретировать их приходится в своем личностном контексте.

С другой же, и с главной стороны, *это внутренний опыт ученого, состояние его субъективности, опирающееся на его научную культуру и позволяющее ему интерпретировать знаки и символы, понимать их, находя соответствия именно во внутреннем опыте*. Это те субъективные представления, которые позволяют реконструировать общую картину, с опорой на частные знаки.

То есть, здесь эмпирия, это полученная в ходе рефлексии интуитивная ясность, осмысленность, понятность, несомненность, самоочевидность, взгляды, представления и субъективные состояния ученого как индивида, относительно которых *предполагается* их общезначимый характер, и общезначимость можно доказать посредством научных коммуникаций и языка.

В силу субъективного характера предметная область гуманитарного подхода в сущности является областью не столько знаков, сколько значений. Именно значения должны быть раскрыты. И проблематика ставится в следующей плоскости: в чем заключается ценность, смысл, и какое значение для ученого и его научной культуры имеет данная система знаков. А затем найденный смысл вводится в научный оборот и доказывается.

Эмпирия гуманитаристики в основе представляет собою доказанные индивидуальные интерпретации, она может быть общезначимой только для тех, кто ею интере-

суется и для кого она доказана, то есть, для конкретного культурного региона. В разных регионах значения и смыслы различаются из-за культурного различия типов субъективности. Отсюда следует, что гуманитаристика эмпирически имеет дело только со своей культурой как предметной областью и с ее предпосылками. *Она всегда обладает регионально-культурным характером, и во всей общечеловеческой культуре, во всей ее истории выделяет в качестве предметности такие процессы, какие обусловливают нынешнее состояние своего культурного региона.* И говорить она должна на своем языке, а не на «международном», иначе она теряет смысл, передающийся именно посредством языка.

Науки о культуре могут быть общечеловеческими только в той мере, в какой они формальны, но тогда, как уже сказано, в них пропадает смысловая содержательность и конструктивность. Возвращение же конструктивности, способность давать практичные и востребованные рекомендации требует гуманитаризации, а значит, смысла и регионализации.

По сути, гуманитаристика в науках о культуре является рефлексивным познанием, исходит из субъективного опыта, теоретически оформляет и доказывает его региональную общезначимость. А изучая чужую культуру, мы получаем знание не о ней самой, а об укоренившихся в нашей культуре представлениях о чужом регионе.

Следовательно, *теория здесь возможна, но это теория не единичного гуманитарного факта, а теория культурного региона*, у которой факт – не более, чем эмпирическое проявление. Так же обстоит дело и с естественными науками: каждое явление природы уникально и доступно, по взглядам неопозитивистов, только идеографической методологии, каждая теория имеет локальное значение и работает только для своей проблематики и предметности, и ее обобщения правомерны только для определенного круга фактов. Ну, невозможно иначе чем метафорически распространить генетику на квантовую механику, а геологию на энтомологию.

Значит, *в гуманитарном познании возможны и прогнозы, и изобретения, но они возможны относительно именно конкретного региона и после подключения к познанию субъективности конкретных живущих там ученых.* А в случае исследований чужого региона, возможен только поиск точек соприкосновения наших представлений о нем с его представлениями о нас и о самом себе, необходимый для диалога.

В момент технического изобретения, представляющего интерес для других людей, любой физик становится гуманитарием, именно потому, что не просто конструирует головоломку, а представляет себе вкусы, взгляды и потребности людей, иначе его изобретение будет иметь значение исключительно для него самого или войдет в коллекцию шнобелевских курьезов. Гуманитарии же гораздо практичнее, так как *они изобретают институциональные условия для изобретений, делающие их возможными или невозможными:* разделение властей, верховенство права, свободные выборы, права человека или наоборот: самодержавная вертикаль власти, централизованное планирование, реформа образования, верховенство справедливости над правом, государства и народа над личностью, политические технологии, техники манипуляции сознанием и т.д., всё это – гуманитарные изобретения, как научные, так и ненаучные, просто на них нельзя получить патент.

5.

Гуманитарный подход – синтез науки и человеческой субъективности в самом предмете. И эта двойственность должна учитываться в исследованиях исторических, филологических или психологических.

Если изучается культура, то это значит, что всегда изучается стоящая за ней субъективность. Однако субъективность бывает разная, и проблематика, отвечающая на вопрос, какой смысл в проводимом исследовании, должна ставиться с учетом субъективности и исследователя, и его предмета.

Так исследование культуры может быть предпринято с целью самопознания и самоопределения культурного региона. Например, если изучается американская культура XX–XXI вв., то она может изучаться *с точки зрения России,* а значит, и в аспекте ее влияния на нашу культуру.

Однако исследование может проводится и для изучения чужой социокультурной субъективности и чужих смыслов *с противоположной задачей*, например, той же американской культуры, но с точки зрения американских бизнесменов, дальнобойщиков, аукционистов и конгрессменов, культуры США, какой она существует для себя самой.

Исследование может быть проведено и для прослеживания связи нашей и чужой

субъективностями, для поиска тех точек их совпадения, в которых чужая субъективность трансформируется в нашу современную мотивацию и побуждает разрабатывать ее местный региональный вариант, отличающийся от чужого, но обладающий такой же силой, стимулирующий бизнес, изобретательство, познание, художественное творчество и в целом креативность. Но при этом связь может быть исследована и в аспекте трансформации нашей субъективности и ее превращения в чужую мотивацию. И в обоих случаях может быть поставлен вопрос о допустимых границах трансформации, нарушение которых устраняет различия регионов и приводит их к единообразию, исключающему креативность.

Проще говоря, при определении предметности своих исследований гуманитарию приходится ясно представлять себе субъективность и отличать свою субъективность от субъективности предмета, дистанцироваться от нее. И это дистанцирование непременно включается в проблематику, отвечающую на вопрос о смысле самого исследования, для кого оно?

Конечно, в гуманитарном познании существуют свои приемы доказательства реальности предметов на уровне эмпирии. У историков – это, например, архивы, у филологов – многочисленные ссылки на ученые труды, доказывающие, что их предметность непроизвольна и может быть комплементарна с общим пространством филологической науки, документированные записи наблюдений за «клиентами» и бесед и т.д. Но гуманитарный субъективизм они не исключают. Так, историкам любой страны известны многочисленные фальсификации архивных материалов, а в некоторых странах любым гуманитариям знакомо политическое принуждение к одностороннему, а то и интерпретации подбору фактов. Да и сами факты не свободны от субъективизма очевидцев.

При всех таких обстоятельствах гуманитарная наука может существовать либо в институциональных условиях, гарантирующих свободу и непредвзятость исследования, либо благодаря личной принципиальности ученых, понимающих, что они – диагносты общественного здоровья, и поставленный ими диагноз влияет на выбор лечебных процедур.

UDC 009

SPECIFICITY OF THE SUBJECT-MATTER IN HUMANITARIAN COGNITION

Pavlov Aleksander Valentinovich,
Tyumen State University,
Institute of Philology and Journalism,
Department Chair of Philosophy,
Doctor of Philosophy, Professor,
Tyumen, Russia.
E-mail: av-pavlov@mail.ru

Annotation
The topic of the article consists in defining specific features of the subject-matter of the humanities. The author shows the ability of the humanities to theoretical summaries and practical inventions. The difference between the humanities and humanitarian cognition is considered.

Key concepts:
the humanities,
humanitarian approach,
subject-matter,
subject of cognition.